

Скворцов А. М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы : законодательное регулирование и практика / А. М. Скворцов // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 444—460. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-444-460.

Skvortsov, A. M. (2021). Formation of Soviet Postgraduate Studies in History in USSR in 1930s: Legislative Regulation and Practice. *Nauchnyi dialog*, 12: 444-460. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-444-460. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-444-460

Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика

Скворцов Артем Михайлович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-3287-4154
кандидат исторических наук,
доцент, научный сотрудник
сектора социальных
и когнитивных проблем науки;
доцент кафедры истории России
и зарубежных стран
artyom-skvorcov@yandex.ru

¹ Санкт-Петербургский филиал
Института истории
естествознания и техники
им. С. И. Вавилова
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

² Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Formation of Soviet Postgraduate Studies in History in USSR in 1930s: Legislative Regulation and Practice

Artem M. Skvortsov^{1,2}
orcid.org/0000-0002-3287-4154
PhD in History, Associate Professor,
Researcher, Sector of Social and Cognitive
Problems of Science;
Associate Professor
of the Department of History
of Russia and Foreign Countries
artyom-skvorcov@yandex.ru

¹ S.I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch
(St. Petersburg, Russia)

² Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется формирование института аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы. В качестве источников используются опубликованные законодательные акты, публицистические материалы, архивные данные. Актуальность исследования обусловлена тем, что предлагаемая проблема рассматривалась зачастую в контексте истории научных и научно-образовательных учреждений либо исключительно через нормативно-правовые акты без учета реально существовавшей и складывающейся под влиянием сообщества ученых практики. Автор на материалах анализа учебных планов по подготовке аспирантов Московского университета, Ленинградского университета, Института истории АН СССР, а также индивидуальных планов аспирантов доказывает, что старшее поколение историков стремилось интегрировать дореволюционные стандарты и механизмы подготовки диссертантов в новые условия советской власти. Утверждается, что, несмотря на публикацию многочисленных постановлений, инструкций, правил правительственными структурами в отношении института аспирантуры в 1930-е годы, четкие рекомендации о характере процесса подготовки научных кадров отсутствовали. Руководители аспирантов, как правило, сами определяли объем требований к соискателям. Автором выявляется относительная свобода ученых-историков в определении условий и научных критериев вхождения неофицтов в научное сообщество.

Ключевые слова:

советская наука; диссертация; диспут; диссертационная культура; аспирантура; историческое образование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The formation of the institute of postgraduate studies in history in the USSR in the 1930s is examined in the article. The sources used are published legislative acts, journalistic materials, archival data. The relevance of the study is due to the fact that the proposed problem was often considered in the context of the history of scientific and scientific and educational institutions or exclusively through regulatory legal acts without taking into account the practice that actually existed and developed under the influence of the community of scientists. Using the materials of curricula for the training of graduate students of Moscow University, Leningrad University, the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, as well as using the individual plans of graduate students, the author proves that the older generation of historians sought to integrate pre-revolutionary standards and mechanisms for training dissertation candidates into the new conditions of Soviet power. It is stated in the article that, despite the publication of numerous decrees, instructions, rules by government structures in relation to the institute of graduate school in the 1930s, there were no clear recommendations on the nature of the process of training scientific personnel. Supervisors of post graduate students, as a rule, themselves determined the scope of requirements for applicants. The author reveals the relative freedom of historians in determining the conditions and scientific criteria for entering the scientific community of neophytes.

Key words:

Soviet science; thesis; dispute; dissertation culture; postgraduate studies; history education.

Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика

© Скворцов А. М., 2021

1. Введение

В 1918 году ученые степени и звания в России были отменены. До середины 1920-х годов процесс подготовки специалистов высшей квалификации не становился предметом законодательного регулирования советского правительства. Действовал же по инерции проверенный десятилетиями институт «оставленных для подготовки к профессорскому званию», функционировавший следующим образом: если имелся выпускник, который отличался во время прохождения университетского курса способностями к научной деятельности, то профессор мог выступить с мотивированным ходатайством об оставлении такого молодого человека при университете для сдачи магистерских экзаменов и написания диссертации. Первый акт государственного регулирования системы подготовки кадров приходится на 1925 год, когда была организована аспирантура. Кадры в сфере науки предполагалось готовить в специальных научно-исследовательских учреждениях под руководством состоящих там действительных членов. Пройдя необходимые испытания, начинающий исследователь становился научным сотрудником 1-го разряда. Рубеж 1920—1930-х годов отмечен ростом численности аспирантов, однако их статус (как в процессе обучения, так и после него), а также объем требований к ним не был четко определен. Туманны были и перспективы трудоустройства. Но с 1932 года происходит постепенное возвращение факультетской структуры в вузах, лекционно-семинарской системы подготовки, а также высшего исторического образования. Восстановление ученых степеней и званий в 1934 году вписывается в этот ряд преобразований.

Процесс оформления советской системы подготовки кадров высшей квалификации неоднократно привлекал внимание исследователей. В советской историографии эта тема изучалась в связи с историей университетов и университетского образования. Юбилей МГУ в 1955 году и юбилей Октябрьской революции 1957 и 1967 годов породили целый ряд трудов, основывающихся прежде всего на архивных данных, отчасти же — на мемуарных свидетельствах. Обозначая основные вехи нормативно-правового оформления структуры высшего образования 1920—1930-х годов, следя за изменением партийно-правительственной линии в отношении вузов, исто-

рики 1950—1980-х годов стремились раскрыть «руководящую роль Коммунистической партии и Советского государства в создании новой высшей школы и советской социалистической интеллигенции» [Галкин, 1958, с. 3]. Первое постреволюционное десятилетие оказывалось наполненным острой борьбой между марксистскими идеологами и дореволюционными профессорами, в ходе которой и после ее завершения советское правительство, неустанно заботясь о возвращении новых поколений ученых, постоянно увеличивало бюджет научно-исследовательских институтов и вузов, оптимизировало факультетскую структуру и меняло учебные планы для реализации социально-экономических и политических задач [Бутягин и др., 1957, с. 47—75; Высшая школа СССР за 50 лет, 1967, с. 16—46; Чанбарисов, 1988 и др.]. Оценивая реформы 1920—1930-х годов как обоснованные актуальной повесткой и планомерно ведущие к укреплению и развитию научных и научно-образовательных учреждений, авторы, писавшие на обозначенную тему, в качестве доводов использовали статистические данные, указывая на количественный рост в изучаемое время университетов, аспирантов, профессорско-преподавательского контингента, научных сотрудников, особенно подробно об этом см. в работе: [Чуткерашвили, 1961]. Но за многочисленными постановлениями правительства и партии, цифровыми данными, которые предлагались читателю, совершенно не просматривался сложный многогранный процесс формирования тех или иных норм, происходивший зачастую под влиянием диалога между властью и научным сообществом [см., напр.: Дубровский, 2017, с. 140—181]. Не учитывалась и реальная практика аттестации аспирантов, хотя и существующая в рамках установленных правил, но предполагавшая определенную свободу как в определении механизмов оценки способности соискателя к самостоятельной научной работе, так и в вынесении заключения о представленных к защите диссертационных сочинений; см., например, заключения о диссертациях Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина, 1929: [Гришина, 2014, с. 58]. В этом контексте система подготовки кадров, сложившаяся в 1930-е годы, лишь формально может быть названа «советской». При всех вводимых новациях и заявляемых декларациях от опыта XIX — начала XX веков отрешиться было невозможно, и мнение «старой» профессуры все же оказалось актуальным и востребованным. Поэтому не представляется корректной наметившаяся на рубеже XX—XXI веков тенденция создания образа дореволюционного поколения ученых как жертв советской политики и идеологии [Ушмаева, 2008, с. 5—69]. Изучение отдельных судеб историков, процесса складывания советских научных учреждений в контексте неинституционального подхода, выявление механизмов взаимодействия власти и ученой корпорации [Гришина, 2006,

с. 51—58; Дубровский, 2017, с. 140—181; Груздинская и др., 2018; Долгова, 2020 и др.] позволяют судить о сложносоставном характере понятий «советская историческая наука» и «советская диссертационная культура».

2. Программы подготовки аспирантов второй половины 1930-х годов

Первые программы подготовки аспирантов после восстановления ученых степеней и званий предполагали большой компонент учебных аудиторных занятий. Уже в 1934 году Совнарком в качестве обязательного условия для поступающих на эту ступень образования выдвинул наличие документа об окончании высшего учебного заведения [О подготовке научных и научно-педагогических работников, 1934]. Согласно еще Правилам приема 1932 года, претендентам достаточно было пройти соответствующие подготовительные курсы [Правила приема аспирантов, 1932, с. 12]. Такие невысокие «входные» требования, очевидно, напрямую связаны с классовым подходом в проведении приемной кампании. В 1932 году состав аспирантов первого курса предполагался следующий: не менее 75 % из рабочих и крестьян, не менее 75 % членов партии и комсомольцев, не менее 25 % представителей «культурно-отсталых народностей РСФСР» [О наборе аспирантов в вузы Наркомпроса, 1932, с. 11]. К началу 1933 года 37,6 % аспирантов происходили из рабочих и крестьян, 51,4 % являлись членами и кандидатами ВКП(б), то есть в 5 раз больше, чем на начало первой пятилетки [Высшая школа за 50 лет, 1967, с. 40].

Как известно, некоторое время, на рубеже 1920—1930-х годов, полноценное высшее историческое образование с необходимой специализацией в университетах отсутствовало. Этот пробел для первых аспирантов подразумевалось восполнить на начальных стадиях обучения. В новых реалиях требовалась «быстрейшая подготовка молодой научной смены», поэтому Наркомпрос выделил для МГУ и ЛГУ по 20—25 мест в аспирантуру [Зайдель, 1934, с. 126]. На историческом факультете МГУ эти места распределились следующим образом: 3 места заняли аспиранты по древней истории, по 4 — по средневековой и новой истории, 7 — по истории СССР, 2 — по истории колониальных и зависимых стран [Ушмаева, 2008, с. 124]. Каждое научно-образовательное учреждение самостоятельно определяло программу подготовки научных кадров, лишь диамат, истмат и философия были обязательными минимумами вне зависимости от специализации.

В МИФЛИ в середине 1930-х годов программа аспирантов включала общие исторические курсы со специальным уклоном. Так, подготовка медиевистов содержала, помимо древних и иностранных языков, палеографии, общий курс по Истории средних веков, Истории Римской империи, Источниковедению, Историографии [ЦГАМ (ЦХД после 1917 года),

ф. 2378, оп. 2, д. 251, л. 1 об.]. Похожая интенсивная программа подготовки аспирантов имела и в ЛГУ. О. А. Добиаш-Рождественская, выступая на защите диссертации С. М. Пумпянского в Ленинградском университете в 1937 году, сказала, обращаясь к соискателю: «Период, когда Вы проходили общую школу аспирантуры (речь идет о 1934—1937 годах. — А. С.), отличался известным своеобразием: в руководстве аспирантов участвовала тогда вся профессура и все проходили через ряд семинариев, приобщаясь к этой общей школе. Вы все прошли вспомогательные исторические дисциплины, много работали над историографией и источниковедением, усваивали навыки лабораторной научной работы. В некоторых отношениях вы, ваше поколение выходило хорошо вышколенным технически и научно» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 846, л. 18]. На защите А. С. Бартечева И. М. Гревс отметил, что диссертант в течение трех лет посещал его спецсеминары по чтению средневековых текстов [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 253, л. 4]. Все перечисленное способствовало интеграции дореволюционного опыта в условия 1930-х годов и, таким образом, установлению определенной преемственности с прежними традициями.

Аспирантский план Института истории Академии наук получился еще более насыщенным. От будущих соискателей ученых степеней требовались знания как по истории СССР, так и по всеобщей истории (древней, средневековой, новой). На первый взгляд, вводимая организация обучения отсылает к опыту подготовки научных сотрудников 2-го разряда в 1920-е годы в рамках Института истории РАНИОН [Скворцов, 2015, с. 163]. Однако имеется существенное отличие: в 1930-е годы для аспирантов были введены лекционные курсы по различным историческим периодам, от чего принципиально отказались в предшествующее десятилетие.

Фактически аспиранты приравнивались к студентам. Причем еще в июне 1934 года Наркомпрос, выступая против такого подхода, разослал письмо, где подверг критике перегрузку аспирантов семинарскими занятиями, «методам и объему почти ничем не отличающимися от студенческими», а также «смежными (подсобными) дисциплинами», подчеркивая крайнюю нежелательность многопредметности в планах [Об организации работы с аспирантами, 1934, с. 26].

Предлагаемый для прочтения список литературы для аспирантов АН СССР оказывался чрезмерно большим — 17 000 страниц в семестр, то есть в идеале следовало прочитывать по 600 страниц в день [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 77]. Очевидна была невыполнимость предъявляемых требований. Для исправления сложившейся ситуации 10 июня 1938 года в Институте истории АН была организована дискуссия. Фримовская, выражая мнение товарищей, просила освободить аспирантов-русинов от испытаний по

всеобщей истории и разрешить сдавать только тот период, по которому тот или иной соискатель специализировался [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 76]. В. И. Пичета выступал за сокращение лекционной части и организацию семинаров по какому-то одному источнику, чтобы готовить обучающихся к научно-исследовательской работе. В качестве аргумента звучало следующее утверждение: «По этому плану студент пассивно выполняет работу, он только получает художественные впечатления от лекций... Пусть не послушают курса о Петре или Екатерине, но будет приобретать знание литературы, ведя семинары» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 84]. Показательны и обращение историка к традициям «старых» университетов и апелляция к дореволюционному авторитету — В. О. Ключевскому, который, по словам В. И. Пичеты, сказал следующее своему ученику: «Владимир Иванович, не гонитесь за тем, чтобы прочитать все книги, а гонитесь за изучением источников и умением понимать и поднимать источники» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 82]. Акцентируем внимание на том, что научное сообщество имело определенную самостоятельность в выработке требований к лицам, желающим получить ученую степень, а также в отношении процесса их подготовки. В своих рассуждениях оно часто исходило из накопленного в XIX — начале XX веков опыта и транслировало его.

Итак, первоначально составленные учебные планы получились перегруженными и оказались невыполнимыми для многих аспирантов. Статистические данные свидетельствуют о малом количестве защит в установленные сроки среди первых наборов в обновленную в 1934 году аспирантуру. Так, в 1937 году послевузовское образование на историческом факультете ЛГУ получило 15 человек, но ни одного не защитилось [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 416, л. 62], в 1938 году из 28 выпустившихся защитились всего лишь 3 человека. На партсобраниях часто были слышны восклицания: «На что тратятся огромные государственные средства, и кто отвечает за такую антигосударственную политику!?» [ЦГАИПД, ф. 984, оп. 5, д. 25, л. 77]. На историческом факультете МГУ из 20 поступивших в аспирантуру в 1934 году смогли завершить обучение только 10 человек [Ушмаева, 2008, с. 124].

3. Становление специализации на исторических факультетах в 1930-е годы

Возрождение полноценного исторического образования в 1934 году подразумевало не только восстановление преподавания курса русской и зарубежной истории с древности и до современности, но и специализацию с 4-го курса по истории древнего мира, истории средних веков, новой истории, истории СССР и истории колониальных и зависимых народов [Об от-

крытии исторических факультетов в университетах, 1934, с. 5]. В Ленинградском университете выбор специализации по истории древнего мира предусматривал изучение следующих дисциплин: Историография истории древнего мира, История античной философии, История античной литературы, История античной науки и техники, История Византии, История археологических открытий, История античного искусства; семинары по Римской империи и доклассовому обществу; Древние языки. Факультативно можно было освоить Историю античной промышленности, Историю древневосточных религий, Латинскую эпиграфику, Историю рабских восстаний, Историю греческой колонизации [Об учебном плане исторического факультета, с. 3]. В составленных в 1930-е годы программах обучения обращает на себя внимание следующее важное обстоятельство. Их разработчики, следуя традициям дореволюционных университетов, стремились дать студентам не только узкое историческое, но комплексное историко-филологическое образование, уделяя большое внимание языковой подготовке (в том числе и по древним языкам) и вводя курсы по истории литературы. Например, учебный план исторического факультета МГУ включал такие предметы, как Введение в языкознание (40 ч.), История русской литературы (120 ч.), История всеобщей литературы (160 ч.) [Ушмаева, 2008, с. 114]. Е. В. Гутнова (студентка МГУ, 1934—1939 годы) так вспоминает начало учебы: «На первых двух курсах большое место в нашей учебе занимали латынь и политэкономия. Латынь с самого начала вызывала у нас почтительное изумление» [Гутнова, 2001]. В полной мере воссоздать прежнюю, бытовавшую до 1917 года структуру учебного процесса не представлялось возможным, но все же прослеживается попытка включить хотя бы ее элементы. Показателен в этом отношении состав кафедры древней истории ЛГУ в 1934—1937 годах, который был одним из самых больших на факультете прежде всего за счет наличия в коллективе филологов-классиков (хотя для преподавателей, получивших образование в дореволюционное время, довольно сложно провести границу между историком-антиковедом и филологом-классиком) и включал в себя: С. И. Ковалева (заведующий кафедрой), С. А. Жебелева, С. Я. Лурье, Л. Л. Ракова, И. И. Толстого, О. О. Крюгера, И. М. Троцкого (Тронского), Н. Н. Залесского, М. Е. Сергеенко, Я. М. Боровского, А. Н. Зографа, К. М. Колобову, Н. П. Баранова, В. В. Петухову, Т. С. Стахевич; числились в данном структурном подразделении и специалисты по Древнему Востоку: В. В. Струве, Н. А. Шолпо, Ю. Я. Перепелкина, Ю. П. Францева [Календарь-справочник ЛГУ, 1937, с. 132].

Первоначально отсутствовали учебные пособия, хрестоматии, ощущался недостаток тиражей специализированной научной литературы и журналов, поэтому лекция как форма передачи знания от преподавателя

студентам играла существенную роль, ей отдавался безусловный приоритет в образовательном процессе. Выпускник исторического факультета должен был в первую очередь обладать определенной суммой знаний о прошлом своей страны и зарубежных государств, чтобы реализовывать себя в качестве педагога по истории. Поэтому даже в Московском университете вплоть до 1944/1945 годов не предполагалась защита дипломных работ (отменена еще в 1932 [Чанбарисов, 1988, с. 250]), но обязательной была сдача государственных экзаменов по различным разделам истории и марксизму-ленинизму. Показательно также, что в педагогических институтах в 1934 году из учебного плана оказался исключенным курс источниковедения. Критикуя такой подход, С. В. Фрязинов отмечал: «Сведения по источниковедению на различных курсах исторического факультета должны теперь даваться лишь попутно, при ознакомлении студентов с тем или другим историческим периодом» [Фрязинов, 1935, с. 124]. В таком контексте данный курс не столько формирует исследовательские навыки, сколько дает самые общие представления о разновидностях источников. Тот же С. В. Фрязинов, получивший высшее образование незадолго до революции, предлагал ввести источниковедение на третьем году обучения перед занятиями в спецсеминарах на четвертом курсе [Фрязинов, 1935, с. 125], чтобы предварительно погрузить студентов в область методики работы с историческими документами. При разработке учебного плана исторического факультета МГУ в 1934 году также дискутировался вопрос о включении в него источниковедения и историографии как отдельных дисциплин [Насонкина, 1968, с. 329].

На спецсеминарах, посвященных узким научным проблемам, прививались навыки исследовательской работы. Студенты исторического факультета МГУ должны были в обязательном порядке сдать две курсовые работы — по всеобщей и русской истории [Ушмаева, 2008, с. 114]. По кафедре древней истории МГУ в 1937/1938 годы работали следующие спецсеминары: Конец Римской республики (А. В. Мишулин), Римская империя в III в. (Н. А. Машкин); по кафедре Средних веков — Французский абсолютизм XVII века (С. Д. Сказкин), Франция в XVI веке (С. Д. Сказкин), История средневекового города (В. В. Стоклицкая-Терешкович), Английская деревня в XIII веке (Е. А. Косминский), [Насонкина, 1968, с. 340, 344]. Очевидно, предлагаемая тематика находилась в поле научных интересов преподавателей.

Е. А. Косминский неоднократно выступал на Ученом совете факультета по вопросам методики ведения семинаров на различных этапах подготовки историков — просеминаров на первых курсах и спецсеминаров на заключительных курсах, а в одной из статей он особо отметил: «Практические занятия... должны занимать центральное место в системе вузов-

ского преподавания истории... Только путем самостоятельной работы над определенными темами студент может усвоить критический и творческий подход к историческому материалу; никакое слушание лекций, никакое чтение книг не даст такого глубокого и прочного усвоения как фактов, так и научной методологии, как практическая работа» [Косминский, 1945, с. 38]. Примечательно, что в цитируемой методической работе профессор-медиевист настаивал на старом дореволюционном варианте написания и произношения «семинарий» вместо распространившегося в 1930-е годы и в итоге утвердившегося на немецкий лад «семинар»; не соглашался он и с наименованием «практикум» [Косминский, 1945, с. 38, подстрочник]. Такая приверженность, казалось бы, к устаревшей лексике объясняется, думается, не только формальными соображениями. Благодаря в том числе Е. А. Косминскому на историческом факультете МГУ сложилось представление о семинаре, которое утвердилось еще в XIX веке, как форме занятий, где организовывалась работа с первоисточниками, а не повторение и углубление лекционного курса [Насонкина, 1968, с. 337].

Первый опыт защит дипломных проектов перед государственной экзаменационной комиссией и широкой общественностью в конце 1944 — начале 1945 годов признан успешным, поэтому было решено данную практику продолжить. Такая форма аттестации стала своего рода смотром лиц, желающих продолжить обучение в аспирантуре (ряд авторов был рекомендован для поступления в аспирантуру, некоторые работы — к публикации), а для студентов — первым публичным (с присутствием не только узких специалистов) диспутom. Причем работы расценивались именно как плод научной деятельности, поэтому резкой критике подвергались слишком широкие темы (например, «Внешняя политика Людовика XI»), грозившие превращению исследования в общий очерк, основанный на пересказе имеющейся литературы [Епифанов, 1945, с. 49].

4. Введение индивидуальных программ подготовки аспирантов

Сложившаяся система обучения на воссозданных исторических факультетах позволила исключить преподавание в аспирантуре общих курсов и организовать индивидуально-ориентированную подготовку научных и педагогических кадров, уделив большее внимание специальным вопросам с первого курса. Уже в Порядке обучения аспирантов по историческим дисциплинам, утвержденном Управлением университетов и НИУ Наркомпроса 27 июля 1935 года, важная роль отводилась кафедре как контролирующей аспиранта структуре и научному руководителю, который нес «полную ответственность за высококвалифицированную подготовку аспиранта» [ОР РНБ, ф. 254, д. 34, л. 2], что позже найдет отражение в По-

ложении об аспирантуре 1939 года. Согласно документу, руководство и ответственность за подготовку аспирантов возлагались на заведующего кафедрой, который составлял индивидуальную программу обучения. Программа предусматривала теоретические занятия по социально-экономической дисциплине, двум иностранным языкам и специальным дисциплинам в избранной области знания, участие в методической работе кафедры, педагогическую работу, самостоятельную научно-исследовательскую работу, прохождение научно-производственной практики, подготовку и защиту диссертации [Положение об аспирантуре, 1947, с. 300—301]. Решение о степени готовности аспиранта к защите выносила кафедра, но фактически весь процесс контролировал научный руководитель, который и определял порядок работы и объем литературы для изучения. На первом и втором курсах аспирант должен был разобрать по два проблемных специальных вопроса (по первому сделать письменный исследовательский доклад, по второму — обзорный доклад по научной литературе). Прочитанный минимум подлежал проверке на коллоквиуме. Третий же год посвящался выполнению диссертации [ОР РНБ, ф. 254, д. 34, л. 2—3].

В архивах сохранился написанный рукой С. Я. Лурье план М. Н. Ботвинника 1940 года, проходившего аспирантуру по античной истории. Документ позволяет увидеть ту фундаментальную подготовку, которую проходил соискатель перед защитой диссертации. Предполагалось подробное углубленное изучение конкретной истории Древней Греции и Рима; античной литературы, философии, искусства, мифологии и права; специальных исторических дисциплин; классических языков. Воспроизведем фрагмент самого плана.

«1 семестр

История Греции до битвы при Мантинее (по Белоху);

Изучить на русском Геродота, Фукидида, Ксенофонта, биографии Плутарха, «Афинскую политику» и «Политику» Аристотеля;

По греческому государственному праву — Виламовица, В. Keil;

Греческая литература периода расцвета. Круазе. История греческой литературы (соответствующие главы), или Магаффи;

Изучить греческую религию и мифологию по S. Wide, M. Nilsson.

2 семестр

История Греции после 362 г. (по Белоху);

Чтение в переводе Арриана, Плутарха;

Эллинистическая литература по Магаффи или Круазе;

Прослушать курс греческой эпиграфики;

История античной философии. Пособия Гомперца, Таннери, Лурье;

Чтение текста с преподавателем: 1—2 страницы в неделю (Фукидид, Плутарх), самостоятельно по 5 страниц в неделю (Ксенофонт, Диодор, Лу-

киан). Параллельно латынь — трудный текст — Цицерон и Тацит. По 1-ой странице в день Саллюстия, Цезаря» [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 3, д. 82, л. 17].

3 и 4 семестры были посвящены углубленному изучению истории Рима, римского государственного права, религии и мифологии, а также греческой папирологии. План предполагал большой компонент самостоятельной работы обучающегося, а в качестве учебных занятий — лишь участие в спецсеминаре по чтению авторов и специальным историческим дисциплинам. Той же самой логики придерживалась, например, и О. А. Добиаш-Рожественская. Составленная ею программа аспиранта П. Н. Семенова (поступил в 1939 году), которому предстояло заниматься историей Первого Крестового похода, включала изучение литературы общего характера по истории Франции и Испании, крестоносного движения, посещение занятий по латинскому и немецкому языкам, спецсеминаров И. М. Гревса по памятникам Каролингской эпохи и по источниковедению у научного руководителя [ОР РНБ, ф. 254, д. 34, л. 20].

Личные дела аспирантов ЛГУ с конца 1930-х годов содержат типографским способом изготовленный «Индивидуальный план учебной и научно-исследовательской работы аспиранта», который включает следующие разделы:

Подготовка аспиранта по специальности:

Кандидатский минимум по общей специальности (порядок его прохождения по годам с указанием обязательной и дополнительной литературы)

Кандидатский минимум по узкой специальности (порядок его прохождения по годам с указанием обязательной и дополнительной литературы)

Специальные курсы, семинары и лаборатории (с указанием форм участия в них аспиранта — тем докладов, рефератов, экспериментальных работ)

Темы научных докладов на заседаниях кафедры

Коллоквиумы по специальным дисциплинам с указанием срока

Подготовка аспиранта по основам марксизма-ленинизма

Прохождение кандидатского минимума по семестрам

Курсы и семинары

Перечень дополнительной литературы в соответствии со специальностью аспиранта

Срок коллоквиума (в конце 1 года обучения)

Подготовка аспиранта по иностранным языкам

Диссертационная работа аспиранта

Тема диссертации

Краткая характеристика темы диссертации и обоснование ее теоретической и практической значимости

*План подготовки диссертации**Тема доклада по диссертационной работе на заседании кафедры**Список основной литературы и источников по диссертации**Срок завершения диссертации представления ее к защите**Педагогическая практика (второй и третий годы обучения)*

Научные командировки, экспедиции и экскурсии (см., например, план Ф. Г. Яковиди: [ОА СПбГУ. Личные дела. Св. 84, д. 2261, л. 16—21 об.]).

Обозначенные пункты заполнял научный руководитель, который и определял порядок сдачи кандидатских минимумов. Он же следил за их реализацией. Никаких специальных распоряжений «сверху» об объеме требуемых с аспиранта знаний не поступало. Обращает на себя внимание опять же отход от лекционной формы занятий с аспирантами в пользу самостоятельной проработки ими списка научных изданий и участия обучающихся в семинарах в виде представления докладов по теме исследования. Осуществление контроля над выполнением минимума производилось на коллоквиумах. Такая относительная свобода в наполнении содержательной стороны процесса обучения и позволяла проводить научным руководителям «старой» школы дореволюционные стандарты и требования, предъявляемые при аттестации соискателей ученых степеней.

5. Заключение

Итак, с 1932/1933 годов наблюдается отказ от «экспериментов» предшествующих лет в деле организации учебного процесса в вузах. Восстановление ученых степеней актуализировало вопрос о характере процесса подготовки ученых-историков. Составленные в связи с этим первые учебные планы середины 1930-х годов учитывали отсутствие на рубеже 1920—1930-х годов систематического исторического образования и предполагали большой компонент лекционных занятий и насыщенный учебный процесс, что значительно осложняло первым аспирантам путь к получению научной квалификации. С 1934 года восстанавливаются исторические факультеты, а вместе с ними и специализация на старших курсах. Кафедра как структурное подразделение снова стала выполнять и педагогические, и научные функции. Размытые и максимально общие формулировки в законодательстве относительно требований к аспирантам и назначение научного руководителя персонально ответственным за качество предоставляемых работ способствовали тому, что к концу 1930-х годов именно научные руководители определяли так называемый кандидатский минимум и саму траекторию обучения в аспирантуре. На примере выстраивающейся в 1930-е годы системы подготовки кадров высшей квалификации прослеживается относительная свобода ученых в определении условий и научных крите-

риев вхождения в профессиональное сообщество. В основе этих критериев лежал предшествующий дореволюционный опыт.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской Академии наук. Ф. 1577 (Институт истории АН). Оп. 2. Д. 8. Лл. 76, 77, 82, 84.
2. Гутнова Е. В. Пережитое [Электронный ресурс] / Е. В. Гутнова. — Москва : РОС-СПЭН, 2001. — Режим доступа : https://royallib.com/read/gutnova_evgeniya/peregitoe.html#572781 (дата посещения 2.08.2021).
3. Елифанов П. П. Первая сессия защиты дипломных работ на истфаке МГУ. Декабрь 1944 г. — январь 1945 г. / П. П. Елифанов // Доклады и сообщения исторического факультета. — 1945. — Выпуск 3. — С. 44—49.
4. Зайдель Г. Исторический факультет ЛГУ / Г. Зайдель // Борьба классов. — 1934. — № 5—6. — С. 126.
5. *Календарь-справочник* Ленинградского государственного университета им. А. С. Бубнова на 1937 г. — Ленинград : Ленинградский государственный университета, 1937. — 304 с.
6. Косминский Е. А. Методика исторического семинария для начинающих (просеминарии) / Е. А. Косминский // Доклады и сообщения исторического факультета. — 1945. — Выпуск 3. — С. 38—44.
7. ОА СПбГУ — *Объединенный архив* Санкт-Петербургского университета. Личные дела. Св. 84. Д. 2261. Лл. 16—21 об.
8. *Об организации* работы с аспирантами, 9 июня 1934 г. // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1934. — № 22. — С. 26—27.
9. *Об открытии* исторических факультетов в университетах, 3 апреля 1934 г. // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1934. — № 12. — С. 5.
10. *Об учебном* плане исторического факультета // Ленинградский университет. — 1934. — 12 июня. — № 26 (194). — С. 4.
11. *О наборе* аспирантов в вузы Наркомпроса в 1932/1933 учебном году // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1932. — № 35. — С. 10—11.
12. *О подготовке* научных и научно-педагогических работников. Постановление от 13 января 1934 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16601#r73zngSBJ5e2PgIB> (дата посещения 2.08.2021).
13. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 254 (О. А. Добиаш-Рожественская). Д. 34. Лл. 2, 3, 20.
14. *Положение* об аспирантуре. Утверждено СНК СССР 31 марта 1939 г. // Высшая школа : основные постановления, приказы, инструкции. — Москва : Советская наука, 1948. — С. 299—305.
15. *Правила* приема аспирантов в университеты, педвузы и научно-исследовательские институты Наркомпроса РСФСР на 1932 год // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1932. — № 35. — С. 12—13.
16. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской Академии наук. Ф. 133 (С. Я. Лурье). Оп. 3. Д. 82. Лл. 17.
17. Фрязинов С. О преподавании истории на исторических факультетах педвузов / С. Фрязинов // Борьба классов. — 1935. — № 6. — С. 124—127.

18. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240 (Санкт-Петербургский государственный университет). Оп. 12. Д. 846. Лл. 4, 18, 62.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алеврас Н. Н.* Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX — начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Институты экспертизы диссертаций / Н. Н. Алеврас // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2017. — № 2. Часть 1. — С. 145—161.
2. *Алеврас Н. Н.* Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX — начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Неофициальные оппоненты / Н. Н. Алеврас // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2018. — № 2. — Часть 3. — С. 160—175.
3. *Бутягин А. С.* Университетское образование в СССР / А. С. Бутягин, Ю. А. Салтанов. — Москва : Московский государственный университет, 1957. — 296 с.
4. *Высшая школа СССР за 50 лет. (1917—1967)* / Под ред. В. П. Елютина. — Москва : Высшая школа, 1967. — 272 с.
5. *Гришина Н. В.* Диссертационные диспуты конца 1920-х гг. : становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина / Н. В. Гришина // *Харківський історіографічний збірник*. — 2014. — № 13. — С. 50—59.
6. *Гришина Н. В.* Историки «старой школы» : проблема вживания в советскую действительность / Н. В. Гришина // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры* : сборник статей / Под ред. Н. Н. Алеврас. — Челябинск : Каменный пояс, 2006. — С. 51—58.
7. *Груздинская В. С.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. / В. С. Груздинская, А. И. Ключев, О. В. Метель. — Омск : ИЦ КАН, 2018. — 171 с. — ISBN 978-5-6041558-9-9.
8. *Долгова Е.* Рождение науки : ученые в 1920—1930-е гг. / Е. Долгова. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. — 469 с. — ISBN 978-5-7281-2874-8.
9. *Дубровский А. М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). / А. М. Дубровский. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 622 с. — ISBN 978-5-8243-2098-5.
10. *Мамонтова М. А.* Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930—1970-е гг. / М. А. Мамонтова // *Мир историка : историографический сборник*. — 2014. — Выпуск 9. — С. 146—175.
11. *Насонкина Л. И.* Историческое образование в Московском университете (1934—1941) / Л. И. Насонкина, Л. В. Кошман // *Очерки по истории советской науки и культуры*. — Москва : Московский государственный университет, 1968. — С. 328—361.
12. *Скворцов А. М.* Секция древней истории Института истории РАН ИОН как центр антиковедения 1920-х гг. / А. М. Скворцов // *Вестник Челябинского университета*. — История. — 2015. — № 14 (369). — Выпуск 64. — С. 159—165.
13. *Ушмаева К. А.* Высшее историческое образование в России (20—90-е годы XX века) / К. А. Ушмаева. — Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2008. — 498 с. — ISBN 5-88648-588-0.

14. Чанбарисов III. X. Формирование советской университетской системы / III. X. Чанбарисов. — Москва : Высшая школа, 1988. — 255 с. — ISBN 5-06-001156-5.
15. Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР / Е. В. Чуткерашвили. — Москва : Высшая школа, 1961. — 240 с.

MATERIAL RESOURCES

- About the opening of the historical faculties in universities, 3 April 1934. (1934). *The Bulletin of the people's Commissariat for education of the RSFSR*, 12: 5. (In Russ.).
- About the curriculum of the faculty of history. (1934). *Leningrad University*. June 12, 26 (194): 4. (In Russ.).
- Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1577 (Institute of History of the Academy of Sciences). Op. 2. D. 8. Ll. 76, 77, 82, 84.* (In Russ.).
- Calendar-directory of the Leningrad State University named after A. S. Bubnov for 1937.* (1937). Leningrad: Leningrad State University. 304 p. (In Russ.).
- Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 254 (O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya). D. 34. Ll. 2, 3, 20.* (In Russ.).
- Epifanov, P. P. (1945). The first session of the defense of theses at the Faculty of History of Moscow State University. December 1944 — January 1945. *Reports and communications of the Faculty of History*, 3: 44—49. (In Russ.).
- Fryazinov, S. (1935). On teaching history at the historical faculties of pedagogical universities. *Struggle of classes*, 6: 124—127. (In Russ.).
- Gutnova, E. V. (2001). *The experience*. Moscow: ROSSPEN. Available at: https://royallib.com/read/gutnova_evgeniya/peregito.html#572781 (accessed 2.08.2021). (In Russ.).
- Kosminsky, E. A. (1945). Methodology of historical seminary for beginners (proseminarii). *Reports and reports of the Faculty of History*, 3: 38—44. (In Russ.).
- On the organization of work with graduate students, June 9, 1934. (1934). *The Bulletin of the people's Commissariat for education of the RSFSR*, 22: 26—27. (In Russ.).
- On the recruitment of graduate students to universities of the People's Commissariat for Education of the RSFSR in 1932/1933 academic year. (1932). *Bulletin of the People's Commissariat for Education of the RSFSR*, 35: 10—11. (In Russ.).
- On the training of scientific and scientific-pedagogical workers. (1934). In: *Resolution of January, 13*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&b ase=ESU&n=16601#r73zngSBJ5e2PgIB> (accessed 2.08.2021). (In Russ.).
- Regulations on postgraduate studies. Approved by the SNK of the USSR on March 31, 1939. (1948). In: *Higher School: basic resolutions, orders, instructions*. Moscow: Sovetskaya Nauka. 299—305. (In Russ.).
- Rules for admission of graduate students to universities, pedagogical colleges and research institutes of the People's Commissariat of the RSFSR for 1932. (1932). *Bulletin of the People's Commissariat for Education of the RSFSR*, 35: 12—13. (In Russ.).
- St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 133 (S. Ya. Lurie). Op. 3. D. 82. L. 17.* (In Russ.).
- The Central State Archive of St. Petersburg, St. Petersburg Central State Archive. F. 7240 (St. Petersburg State University). Op. 12. d. 846. Ll. 4, 18, 62.* (In Russ.).
- United Archive of St. Petersburg University. Personal matters. St. 84. d. 2261. Ll. 16—21 vol.* (In Russ.).

Zaidel, G. (1934). Historical Faculty of LSU. *Struggle of classes*, 5—6: 126. (In Russ.).

REFERENCES

- Alevras, N. N. (2017). Experience and traditions of dissertation confrontation in Russian universities of the second half of the XIX — early XX century (from the dissertation practice of historians). Institutes of dissertation examination. *Magistra Vitae: electronic journal of Historical Sciences and Archeology*, 2 (1): 145—161. (In Russ.).
- Alevras, N. N. (2018). Experience and traditions of dissertation confrontation in Russian universities of the second half of the XIX — early XX century (from the dissertation practice of historians). Unofficial opponents. *Magistra Vitae: electronic journal of Historical Sciences and Archeology*, 2 (3): 160—175. (In Russ.).
- Butyagin, A. S., Saltanov, Yu. A. (1957). *University education in the USSR*. Moscow: Moscow State University. 296 p. (In Russ.).
- Chanbarisov, Sh. Kh. (1988). *The formation of the Soviet University system*. Moscow: Higher School. 255 p. ISBN 5-06-001156-5. (In Russ.).
- Chutkerashvili, E. V. (1961). *Development of higher education in the USSR*. Moscow: Higher School. 240 p. (In Russ.).
- Dolgova, E. (2020). *The Birth of science: scientists in the 1920s—1930s*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 469 p. ISBN 978-5-7281-2874-8. (In Russ.).
- Dubrovsky, A. M. (2017). *Power and Historical Thought in the USSR (1930s—1950s)*. Moscow: Political Encyclopedia. 622 p. ISBN 978-5-8243-2098-5. (In Russ.).
- Elyutin, V. P. (ed.). (1967). *Higher School of the USSR for 50 years. (1917—1967)*. Moscow: Higher School. 272 p. (In Russ.).
- Grishina, N. V., Alevras, N. N. (ed.). (2006). Historians of the “old school”: the problem of getting used to Soviet reality. In: *The historian in the changing space of Russian culture: a collection of articles*. Chelyabinsk: Stone Belt. 51—58. (In Russ.).
- Grishina, N. V. (2014). Dissertation debates of the late 1920s: the formation of a new disciplinary regulation (on the example of the debates of N. M. A. I. Druzhinina and Novostina). *Kharkiv Historiographical Bulletin*, 13: 50—59. (In Russ.).
- Gruzinskaya, V. S., Klyuev, A. I., Metel, O. V. (2018). *Essays on the history of the institutional structure of Soviet historical science of the 1920s—1930s*. Omsk: IC KAN. 171 p. ISBN 978-5-6041558-9-9. (In Russ.).
- Mamontova, M. A. (2014). Transformation of the normative side of “dissertation culture” in the USSR in the 1930s—1970s. *The World of the historian: a historiographical collection*, 9: 146—175. (In Russ.).
- Nasonkina, L. I., Koshman, L. V. (1968). Historical education at Moscow University (1934—1941). In: *Essays on the history of Soviet science and culture*. Moscow: Moscow State University. 328—361. (In Russ.).
- Skvortsov, A. M. (2015). Ancient History Section of the RANION Institute of History as the center of antiquity of the 1920s. *Bulletin of the Chelyabinsk University. History*, 14 (369) / 64: 159—165. (In Russ.).
- Ushmaeva, K. A. (2008). *Higher historical education in Russia (20—90-ies of the twentieth century)*. Stavropol: Stavropol State University. 498 p. ISBN 5-88648-588-0. (In Russ.).